

Шандор Бене

PhD, доцент, кафедра ранней и классической венгерской литературы — институт лингвистики, литературоведения и культурологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Университет Реформатской церкви Венгрии имени Гашпара Кароли, Будапешт, Венгрия. Dózsa György utca, 25–27, Budapest, 1146. E-mail: bene.sandor@kre.hu / доцент, кафедра хунгарологии, факультет гуманитарных и социальных наук, Загребский университет, Загреб, Хорватия. Ul. Ivana Lučića 3, Zagreb. E-mail: sbene@ffzg.hr

Семейное сходство: идентичности братьев Зрини

Братья Миклош и Петер Зрини — два значительных политика и поэта Венгерского королевства раннего Нового времени. Они не только друг за другом занимали одну из высших должностей — пост бана Хорватии, но и считаются представителями особой страницы в истории европейской барочной литературы: оба написали героические эпосы об истории осады крепости Сигетвар в 1566 г. и трагической гибели своего прадеда Миклоша Зрини. В XIX в. фигуры братьев стали предметом дискурсов об их идентичности как в Хорватии, так и в Венгрии. В статье внимание сфокусировано на интерпретациях генеалогии семьи в этих двух историко-культурных традициях и лингвистических и идеологических различиях между двумя эпическими поэмами. С течением времени изначально единая программа братьев изменилась. Петер Зрини отказался от идеи перевести эпос на венгерский язык (что во многом повторяло бы версию брата), и в окончательном хорватском варианте произведения отразилась новая лингвопоэтическая повестка, нацеленная на унификацию и стандартизацию хорватских диалектов. Кроме того, после гибели Миклоша младший брат заменил легенды о северном происхождении рода (которых придерживался брат) на иллирскую версию. Обе ревизии служили одной цели: вместо реформирования венгерской политической системы они были направлены на формирование воображаемой иллирской общности. Поэтому литературные генеалогии эпохи барокко и эпические поэмы можно рассматривать как предшественников национальных идеологий XIX в.

Ключевые слова: род Зрини, Венгерское королевство в раннее Новое время, барочные литературные генеалогии, национальные идентичности раннего Нового времени

Финансирование: Исследование выполнено в рамках проекта факультета гуманитарных и социальных наук Университета Реформатской церкви Венгрии имени Гашпара Кароли «Стоическая традиция в венгерской литературе» (№ 20700B800).

Цитирование: Бене Ш. Семейное сходство: идентичности братьев Зрини // Центральноевропейские исследования. 2023. Вып. 6. С. 15–36. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.1>.

Венгерское королевство раннего Нового времени, которое в силу исторических обстоятельств было полиэтничным, с 1102 г. состояло в личной унии с Хорватским королевством. После победы султана Сулеймана (1520–1566 гг.) над венгерским войском в битве при Мохаче (1526 г.) и ослабления средневекового венгерского государства венгерскую корону носили представители династии Габсбургов. После надора (наместника, или палатина) и государственного (верховного) судьи третьим лицом в королевстве был бан (наместник) Хорватии. В XVII в. этот пост друг за другом, идя по стопам предков, занимали видные представители венгерско-хорватской аристократии братья Миклош Зрини (Никола Зринский, 1620–1664) и Петер Зрини (Петар Зринский, 1621–1671)¹. Семья бережно хранила не только память о хорватском происхождении, но и верность венгерской короне: Зрини сражались в битве при Мохаче, прадед братьев, хорватский бан Миклош Зрини (1508–1566) совершил восхитивший многих подвиг: в 1566 г. месяц держал оборону от войск султана Сулеймана крепости Сигетвар в комитате Бараня в южной Венгрии. Крепость пала, и почти все ее венгерско-хорватские защитники, включая Зрини, погибли как герои, но и престарелый султан не достиг цели и отказался от массированного броска на Вену. Венгерско-хорватская двойная лояльность также была характерна для последующих поколений и проявлялась как в покровительстве культуре, так и в матримониальной политике². Родственные связи Зрини простирались до Австрии и Штирии, Чехии и Моравии, а через близких родственников Франгепанов (Франкопанов) до Фриуля и Венеции. Баны Миклош и Петер родились в семье отца-хорвата (Юрая Зринского, 1599–1622) и матери-венгерки (Магдолны Сечи, ?–1621). Их

¹ О биографии и идентичности, включая обзор более ранних работ по теме см.: Бене 2016.

² Pálffy 2012.

эпистолярное наследие свидетельствует, что в XVI в. Зрини в семейной переписке предпочитали использовать венгерский язык, но также читали литературу на хорватском, и хорватские гуманисты, отдавая должное образованности Зринских, посвящали им значимые сочинения³. Династия Зрини была идеальным примером сложно переплетенных языковой, культурной и политической идентичностей раннего Нового времени⁴. В статье я задаюсь вопросом: была ли композитарная идентичность неким синтезом, или ее отдельные элементы изначально конфликтовали друг с другом? И поскольку в вопросе содержится положительный ответ на вторую его часть, я пытаюсь понять, что значит решение этой проблемы для современной науки.

Оба брата, политики и литераторы XVII в., представляют славную главу в истории европейской барочной литературы: Миклош — эпосом о героической обороне Сигетвара на венгерском, Петер — о нем же на хорватском языке. Венгерский и хорватский эпосы вышли из печати с разницей в девять лет: «Сирена Адриатических морей» (*Adriai tengernek Syrenaia*, Вена, 1651) и «Сирена Адриатического моря» (*Adriaszögő mora Sirena*, Вена, 1660)⁵. Политическая карьера Миклоша ничем не отличалась от карьеры предков: вторая жена, мать его детей, штирийка Мария София Лёбль (?–1676), была дочерью председателя грацского военного совета, сам он, наряду с должностью хорватского бана, имел чин генерал-фельдвахтмейстера императорской габсбургской армии, занимал должность тайного советника. Хотя в конце жизни Миклош был крайне недоволен политикой Габсбургов, до открытого разрыва дело не дошло: в ноябре 1664 г. он погиб на охоте, растерзанный кабаном. Его брат Петер вместе с первыми лицами Венгерского королевства (надором

---

³ Дубровницкий поэт Доминко Златарич (1558–1613) посвятил перевод «Электры» (1584) Софокла сыну героя сигетварской битвы Дёрдю, см.: *Zlatarić D. Prsvijetlomu i priizvrtnomu gospodinu Đurđu knezu Zrinskomu // Tragedije XVI stoljeća / ur. S. Prosperov Novak. Zagreb: Matica hrvatska, 2006. S. 540–542. (Stoljeća hrvatske književnosti)*. Тот же Дёрдь Зрини стал адресатом малого эпоса Брне Карнаутича (1515–1574) *Vazetje Sigeta grada* («Взятие крепости Сигет», 1584), см.: *Matić 1968*.

⁴ Pálffy 2022.

⁵ Современного перевода всего тома нет; см. эпос: *Zrínyi M. The siege of Sziget / transl. by L. Körössi; introd. G. Gömöri. Washington, D. C.: Catholic University of America Press, 2011; Zrínyi M. La Zrinyiade ou Le Péril de Sziget / trad. par J.-L. Vallin. Villeneuve d'Ascq: Presses Universitaires du Septentrion, 2015. Новейшие работы для анализа тома см.: *Bene 2016*.*

и государственным судьей) вступил в заговор против Вены; в 1670 г. их бросили в тюрьму, в 1671 г. казнили по обвинению в государственной измене⁶.

Такова, если быть кратким, «подлинная история». В недоброй памяти XIX в. дух национальной романтики ее искажил, прикрываясь взаимным «проклятием памяти» (*damnatio memoriae*), связями между разными языками и литературными традициями, разрушил многогранную, мирно сосуществовавшую систему лояльностей и идентичностей. Миклош стал столпом венгерского, Петер — хорватского «национального канона». Приведу лишь несколько примеров.

В начале XIX в. венгерская литература переживала период обновления и модернизации: Миклошу Зрини, как предтече и образцу для подражания, отводилась решающая роль. Поэты и историки литературы — Ференц Казинци (1759–1831), Ференц Кёлчеи (1790–1838), позднее Михай Вёрёшмарти (1800–1855), Янош Арань (1817–1882), Ференц Толди (1805–1875) — понятия не имели о «Сирене» на хорватском языке⁷. В политическом каноне Миклош Зрини присутствует исключительно как инициатор венгерских национальных антигабсбургских движений, предполагаемая или приписываемая ему антигабсбургская политика стала едва ли не важнее, чем борьба с османами.

Вольное обращение с историческим наследием продолжилось и в XX в., в том числе при социализме (венгерская Военная академия долгое время носила имя Зрини)⁸. В Хорватии во второй половине XIX в. сформировался национальный культ Зрини: в 1866 г. по случаю 300-летия битвы при Сигетваре драму Теодора Кёрнера (1791–1813) «Граф Никлос Зрини, или осада Сигета» (*Niklos Graf von Zriny oder die Belagerung von Sigeth*, 1812) на немецком языке играли с эпилогом, в котором подчеркивалось хорватское происхождение Зрини (венгерские имена в пьесе изменили на хорватский лад еще раньше)⁹. Два года спустя, в 1868 г. вышла в свет первая история хорватской литературы авторства Ивана Кукулевича-Сакцинского (1816–1889), который назвал омадьяренного поэта Миклоша Зрини предателем

⁶ См. давно ставшие классическими работы: Pauler 1876; Лукьяненко 1911; Šišić 1926; Šidak 1972; об их значении для современной науки см.: Tusor 2021.

⁷ О венгерской рецепции см.: Bene 2022.

⁸ Bene 2009; Hermann 2017.

⁹ Főrizs 2014: 93–94; Kovács 2017; ср.: Bobinac 2012: 68–71.

славянских предков¹⁰, в то время как брата Петера восславил как «патриота с трагической судьбой», мученика хорватского народа¹¹. В 1893 г. появился снискавший популярность роман Евгения Кумичича (1850–1904) о национальном движении Петера Зрини и его борьбе за независимость «Заговор Зринских и Франкопанов»¹². Позднеромантический национальный дух романа причудливо дополнился, что, скорее, характерно для нон-фикшн XX в., тенденциозно отобранными, но порой дословно цитируемыми историческими источниками, на которых он основан. Влияние романа на образование и общественную мысль в последующие десятилетия трудно переоценить. Героев «Заговора Зринских и Франкопанов» вплоть до 1990-х годов считали борцами за хорватскую национальную независимость, перенос их тел из австрийского Винернойштадта на родину (1921) и повторная траурная панихида в кафедральном соборе Загреба (1971) символизировали усиление национальных движений¹³.

Если бы историческая наука занималась только сохранением истинного знания, все было бы гораздо проще. И венгерский, и хорватский национальные культы подменили подлинные цели братьев Зрини: эти ошибки можно исправить, и их нужно исправить. Но можно ли провести объективный анализ прошлого, будучи полностью уверенными в его рациональности? Складывается впечатление, что множественные идентичности ни в жизни индивида, ни у группы не являются чем-то статичным, а в крайнем случае элементы различных дискурсов идентичности (часто конфликтующие друг с другом) могут мирно сосуществовать как временные, ситуативные утопии. Они, конечно, всегда опираются на какую-то реальность, но не стоит забывать, что опора весьма условна и являет собой продукт морального выбора, одобренного общественным мнением и определяемого на какой-то период времени политическим консенсусом. Именно таким была связь хорватского и венгерского и дворянства, она покоилась на имевшем давнюю традицию консенсусе, но и он не оставался неизменен.

¹⁰ Kukuljević Sakcinski 1869: 266–267.

¹¹ Kukuljević Sakcinski 1869: 62–75, 330–331.

¹² См.: Kumičić E. Urota zrinško-frankopanska. Zagreb: Nakl. Zavod Matice Hrvatske, 1965. 522 s. Ср.: Šicel 1971.

¹³ См. труд с богатым документальным приложением: Mijatović 1999; современный обзор хорватской рецепции Зрини см.: Štefanec 2009.

Для воспитанного на книжной латыни дворянства общим местом (и неоспариваемой истиной) было цицероновское противопоставление родины как места рождения (*patria germana*, *patria nativa*) и родины в политико-правовом смысле (*patria iuris*) как гражданства¹⁴. В Средние века и большую часть раннего Нового времени любой хорватский дворянин мог считать себя также частью венгерской нации, воплощением чего выступала венгерская святая корона. Эта идиллическая картина, по моему мнению, начала меняться не в эпоху романтизма, первые трещины появились на рубеже XVI–XVII вв. и повлияли на детские годы братьев Зрини. Признаки *национального* чувства нового типа, соединившего воедино происхождение, язык, культуру и политическую идентичность, проявлялись в столкновении церковных институтов по вопросам юрисдикции, во внутренних раздорах университетских «наций» и во многих других областях, например, дебатах государственно-правового характера в Государственных собраниях¹⁵. Миклош и Петер Зрини воспитывались в венгерском окружении, их мать была венгеркой, хорватские семьи из узкого аристократического круга (например Драшковичи) в устной речи и на письме использовали венгерский язык. После смерти матери брата Зрини переписывались с опекуншей, супругой Ференца Баттяни (1573–1625), одной из образованных женщин эпохи, Эвой Поппель (1585–1640) на венгерском языке¹⁶.

Эта тенденция к омадьяриванию уже тогда воспринималась хорватской сословной и интеллектуальной элитой как предательство¹⁷. «История королей и банов королевств Далмации, Хорватии и Славонии» (1652) Юрая Раткая (1612–1666) и его перевод королевского зеркала на хорватский, лексикографическая работа так называемого Озальского кружка (по названию города Озаль), вылившаяся в создание словаря, усилия хорватских епископов по сбору хорватских исторических источников для Ватикана, — все эти инициативы

¹⁴ Дословно: «У всех членов муниципиев, по моему мнению, две родины: одна по рождению, другая по гражданству» см: Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М.: Наука, 1966. С. 110. О толковании этого места см.: Bene 2010: 355–360, 372.

¹⁵ Наиболее полный анализ проблемы в историографии см.: Molnár 2019.

¹⁶ Данные об этом собраны в: Takáts 1929. Современный анализ национального самосознания Зрини см.: Bitskey 2009.

¹⁷ Ср.: Bene 2021: 100–103.

зародились именно в культурном, языковом и религиозном пространстве и появлением были обязаны Зрини и их кругу¹⁸.

Отвлекаясь от примеров, сосредоточусь на самом главном тезисе. Сам факт, что братья-аристократы сознательно поделили между собой венгерский и хорватский языки, показывает, что они понимали проблему и по-своему искали приемлемое для обоих решение. Миклош дал традиционный ответ, когда решил развивать венгерско-хорватское сотрудничество в рамках венгерского сословного государства. Его героический эпос на венгерском языке символически вернул права на историческое место действия, Сигетвар, в пространстве поэзии. Первое литературное сочинение на эту тему — малый эпос Брне Карнаутича (1515–1573) — был написан в 1584 г. по-хорватски, и венгры не играли в нем заметной роли. Этот символический национально-этнически-культурный поступок был в самом широком смысле слова сделан для и ради венгров. Миклош Зрини мечтал не о монолингвальной стране. Его политическая программа покоилась на двух основаниях: в ней соединялись реформа венгерского государства, модернизация Королевства св. Стефана и освобождение Балкан от османского влияния, и второе, в случае успеха, открывало путь к интеграции хорватских, сербских и боснийских территорий. Ради этого Зрини был готов на сотрудничество с Габсбургами, но решительно отвергал поддержку сторонних держав (французов или русских)¹⁹.

В том же политическом ключе написаны заключительные строки «Сигетского бедствия»: защитник крепости Миклош Зрини сам убивает султана Сулеймана. Согласно новейшим исследованиям, здесь мы имеем дело не с классической фикцией, но с прямой исторической аналогией. Сцена отсылает читателя к битве на Косовом поле 1389 г., к большой балканской трагедии, когда сербское войско потерпело сокрушительное поражение от турецких захватчиков, но в конце

---

¹⁸ Подробнее см.: Bene 2001; ср.: Bene 2021: 242–248. Словарь: *Bellosztenecz J. Gazophylacium seu Latino-Illyricorum onomatum aerarium*. Zagrabiae: Joannes Batista Weitz, 1740. Об Озальском кружке см.: Vončina 1979.

¹⁹ В более поздних сочинениях («Средство от турецкого дурмана», 1661) Зрини писал о французах: «Француз, если побеждает, нестерпим, в беде же никудышен». О русских: «На московитов я бы не рассчитывал <...>, их страна далеко, <...> их политика глупая, власть — тиранская, и кому нужна их помощь?». См.: *Zrínyi M. Török áfium ellen való orvosság // Zrínyi M. Összes művei / kiad. T. Klaniczay, Cs. Csapodi*. Budapest: Szépirodalmi Könyvkiadó, 1958. 1 köt. 647–648. old.

сражения наступил апофеоз павших мучеников: сербский герой Милош Обилич (1350–1389) убил султана Мурада I (1362–1389 гг.)²⁰. Проводя такую параллель, можно сказать, что эпос Зрини соединял южнославянскую историческую мифологию с недавней венгерской историей, постулировал единение символического прошлого, а значит, и будущего южнославянских территорий с Венгерским королевством²¹.

Та же программа была сформулирована в генеалогическом труде, написанном по заказу Миклоша Зрини в 1660-е годы²². Автор — ирландский монах, «придворный теолог» хорватского бана Марк Форстолл (?–1683). Его «Стемматография»²³ (*Stemmatographia*) — типично барочная литературная генеалогия: средневековая часть — основанная на источниках более-менее достоверная историческая работа, но глава о том, откуда пошел род Зрини — не что иное, как вольный пересказ теорий происхождения, но при этом и очень важный элемент дискурса об идентичности, футурологическая картина, обращенная в прошлое. Ценность сочинения в том, что автор пытался отрицать существовавшую в семейном предании память о происхождении Зрини от Шубичей и привязал династию к другой линии южнославянской исторической традиции — северной, скандинавской (точнее, восточнототской). Здесь Форстолл исходил из того, что в Средние века Зрини носили титул графов Островицы. В качестве мифического предка он приписал им готского правителя Островия, братом которого был реальный персонаж, король Тотила. Живший в VI в. и сражавшийся с Византией, Тотила ненадолго покорил Италию. Почему он был так интересен Зрини? Не только именем, созвучным имени предводителя гуннов Аттилы, но и политической карьерой и всем габитусом. Аттила занимал исключительно важное место в венгерской исторической памяти как основатель государства, поэтому Зрини виртуально связывал хорватское семейное прошлое

²⁰ Об источниках и их толковании см.: Redep 1991; Pešep 2010; Popović 2007.

²¹ Подробнее см.: Bene 2017.

²² Hrvatski državni arhiv, Zagreb. Fond Zrinski. Fasc. 280. Conv. E 1–152. *Stemmatographia Marvortiae familiae comitum a Zrin* (1665). Критического издания оригинального латинского текста пока нет; см. перевод на венгерский язык с примечаниями и комментариями: *Forstall M. A Zrínyi grófok hősi családjának története / ford. S. Bene // A Zrínyiek a magyar és a horvát históriában / szerk. S. Bene, G. Hausner, Budapest: Zrínyi Kiadó, 2007. 321–378. old.*

²³ *Стема* — изображение генеалогического дерева.

с венгерской политической идентичностью²⁴. Таким образом, можно сказать, что произошедшая в XIX в. венгерская «экспроприация», национальная «приватизация» истории Зрини (в том числе литературного и политического наследия Миклоша Зрини) лишь отчасти была неоправданной: национальная романтика забыла о южнославянских связях, но акцент на венгерскую идентичность был заложен уже в изначальной политической и литературной программе Зрини. Неслучайно он посвятил сборник стихов на венгерском языке — как и свою кровь «до последней капли» — «венгерскому дворянству» и почтил эпиграммой основателя государства (завещавшего венграм в качестве политической программы завоевание, «доблесть») гуннского предводителя Аттилу²⁵.

Здесь имеет смысл рассмотреть более широкие или, можно сказать, более глубокие исторические параллели. Генеалогическая концепция Зрини была основательнее и осмысленнее, чем простое сходство имен (Тогила и Аттила) или вымышленная этимология Островий — [графы] Островицкие. Сами Зрини считали себя потомками Шубичей, в то время как Форстолл посвятил особую главу своего генеалогического сочинения опровержению этих представлений²⁶. Генеалогия Шубичей (Сульпициев), как показано ниже, сочеталась с тезисом об автохтонном, иллирско-хорватском происхождении. Связав происхождение Зринских — этого старейшего хорватского рода — с готами, Форстолл и его патрон Миклош Зрини отказались от южного, (римско-)иллирского цикла преданий и обратили взор, как уже упоминалось, на северный, готско-германский мир. «Готицизм» в ту эпоху был не менее распространенным генеалогическим дискурсом с политическими коннотациями, чем «иллиризм», и подобно последнему, имел многочисленные вариации²⁷. Форстолл последовательно выстроил эту

²⁴ О Форстолле и его сочинении подробнее см.: Bene 2012.

²⁵ *Zrínyi M. Adriaí tengernek Syrenaia. Dedicatio // Zrínyi M. Összes művei. 1. köt. 8. old.; Idem. Attila // Zrínyi M. Összes művei. 1. köt. 390. old.*

²⁶ *Stemmatographia. Fol. 107–108.*

²⁷ См.: Johannesson 1991; Neville 2009. Из сказанного выше видно, что я придаю большее значение готскому происхождению хорватов, чем Зринка Блажевич, которая затронула готский вопрос только в связи с источниками Мауро Орбини, см.: Blažević 2008: 181. На мой взгляд, то, что Миклош Зрини обратился к самому древнему племени хорватского этногенеза (более древнему, чем тезис об иллирско-славянской преемственности), было результатом осознанного идеологического выбора.

систему в «Стемматографии»²⁸. Он связал представления о готском родстве в далматинской летописной традиции («Летопись попа Дуклянина») с гуманистической историографией (Леонардо Бруни), а затем с более поздней скандинавской историографией («История всех королей готов и шведов» Иоганна Магнуса (1488–1544)), включил в нее элементы конкурирующей ирландской историографии, на которую мог опираться (Мауро Орбини (1550–1614), Ю. Раткай). Форстолл использовал устные источники: в «Стемматографии» приведены сведения, полученные от датского посланника в Вене о том, что потомки Островиев якобы жили в современной Дании XVII в.²⁹ Тем самым автор переориентировал династию Зрини, а вместе с ней и хорватскую национальную историю на северную, германо-скандинавскую генеалогическую традицию. И это — в соответствии с практикой того времени — означало историческую легитимацию габсбургской политики, что определило будущее Венгерского королевства и его свободу маневра. Однако в рамках готицизма была и другая линия, которая включала в этногенез северных народов историю скифов, Аттилу и всю гуннскую традицию³⁰. Тотила и Аттила не просто олицетворяли героические судьбы, не только давали пример исторической аналогии, но воплощали родство готов и гуннов (иными словами, хорватов и мадьяр).

Как относится к этому вопросу, к проблеме происхождения, хорватская историческая память? Здесь тоже имеет смысл обратиться к самим братьям Зрини. Поначалу представления Петера ничем не отличались от старшего брата, можно вести речь об их общей программе. Вскоре после венского издания в 1651 г. «Сирены» на венгерском Петер Зрини приступил к переводу эпоса на хорватский язык, формально сохраняя размер стиха. В середине 50-х годов XVI в. что-то изменилось, и он забросил перевод на полпути, дойдя до 8-й песни. Затем он возобновил работу, но уже на совершенно иных

---

²⁸ Подробнее об источниках, которыми пользовался Форстолл, см.: Бене 2012: 283–285.

²⁹ *Stemmatographia*. Fol. 70.

³⁰ См. основополагающий труд с перечислением источников (Аблабий, Альберт Кранций, Иордан) о готском происхождении гуннов: *Johannes Magnus. Historia de omnibus Gothorum Sueuorumque regibus qui unquam ab initio nationis extitere, eorumque memorabilibus bellis late varieque per orbem gestis*. Romae: De Viottis, 1554. P. 220–222 (Lib. VI. Cap. 24–25).

поэтических принципах. Хорватская версия эпоса оказалась гораздо ближе к традиции южнославянского фольклора. Исчезли настойчивые отсылки к венгерскому присутствию при защите Сигетвара, географические и личные имена стали хорватскими (вместо Кешмарка появился Велебит³¹, вместо «ста молодцев» — «сто хорватов» и т. д.). Новый перевод метрически существенно отличался от венгерского образца, и подражал далматинскому классику Марко Маруличу (1450–1524). О причинах идеологической и поэтической смены направления можно лишь гадать. Не исключено, что Петера Зрини больше, чем фольклор, привлекал хорватский политический мир. Именно тогда, в 1655 г., в Вене была создана копия большого антитурецкого эпоса «Осман» поэта Ивана Гундулича (1589–1638) из Дубровника, принесящая этому шедевру широкую славу. В печатном виде он появился спустя века, но ходил в списках уже тогда. Изданный в Венеции том «Сирены» на хорватском языке и в лингвопоэтическом смысле, и с точки зрения идеологического послания указывал на южное направление, на Балканы, и в духе идеологии раннего иллиризма не Косово поле сдвигал на север, а Сигетвар — на юг³².

Конечно, помогло поэту современное ему научное знание XVII в. После гибели брата Петер Зрини нанял Марка Форстолла воспитателем сына и заказал монаху новую версию семейной истории, в которой версия готского происхождения была заменена «иллирской» (южнославянской) линией Шубичей³³. Все это дополнялось модной в эпоху барокко версией римского происхождения. Якобы Шубичи были на самом деле смешанного происхождения: в эпоху обретения родины хорватская династия породнилась с жившими на далматинском побережье и дожившими до Средневековья древнеримскими Сульпициями и взяла их имя. Со временем народ искажил имя Сульпициев, и они превратились в Шубичей. Отец Форстолл усердно собирал все новые свидетельства, когда его заказчик познакомился с программой живших тогда в Риме хорватских ученых Ивана Лучича (1604–1679)

---

³¹ Речь идет о замене топонима, относящегося к северной Венгрии, города Кешмарк (ныне Кежмарок в Словакии), на название горного хребта Велебит в современной Хорватии (*прим. перев.*).

³² Bene 2021: 480–490.

³³ Hrvatski državni arhiv. Fond Zrinski. Fasc. 280. Conv. B 71–78; в венгерском переводе с комментариями см.: A Zrínyiek a magyar és a horvát históriában / szerk. S. Bene, G. Hausner. Budapest: Zrínyi Kiadó, 2007. 379–385. old.

и Степана Градича (1613–1683). В результате при посредничестве Лучича в 1668 г. в Амстердаме была издана карта *Illyricum hodiernum* («Современная Иллирия») с посвящением хорватскому бану Петеру Зрини, на которой изображались желаемые территории после возможной балканской освободительной войны. Единым цветом были закрашены территории политического объединения, включавшего помимо Далмации и Боснии также Сербию, Истрию и северные хорватские территории вместе с принадлежавшим Зрини Меджимурьем (Мураке́зом)³⁴. Эта мечта исполнилась спустя века, после Первой мировой войны, а объединение просуществовало до начала 1990-х годов. Не в последнюю очередь причиной краха опосредованно стало то обстоятельство, что сами авторы программы не видели разницы между претензиями хорватских сословий и в более широком смысле слова югославянскими (иллирскими) политическими утопиями. Жившие и творившие в Риме хорватские ученые, когда речь шла о размещении студентов в паломническом доме св. Иеронима, отстаивали перед папским трибуналом концепцию «малой Иллирии», которая наряду с собственно Хорватией и Славонией включала в себя католические территории Далмации и Боснии, хотя большая часть Далмации находилась под властью Венеции, Босния же была включена во владения султана. Но когда они переносили на карту свои амбициозные политические проекты, то объединяли населенные православными области с римско-католическими хорватскими и далматинскими землями³⁵.

В современной историографии предпринято немало попыток типологизации и хронологизации различных «иллиризмов». Несомненно, интересной аналитической задачей является решение вопроса о том, ближе к какой его версии³⁶ относится идея, разработанная Петером Зрини вместе с Иваном Лучичем — межконфессиональной, францисканской, ватиканско-габсбургской, «далматинской» или некоей их комбинации. Но гораздо важнее отметить принципиальное отличие: о каком бы направлении иллиризма ни шла речь, он порывал все связи с Центральной Европой и ее государственно-политическими образованиями, будь то Габсбургская монархия или Венгерское королевство³⁷.

³⁴ Kurelac 1994: 97–107; Mlinarić, Faričić, Mirošević 2012.

³⁵ Bene 2021: 489–490.

³⁶ Blažević 2008: 152–157.

³⁷ К исключениям можно отнести «сословный иллиризм» или «паннонский иллиризм», как эту версию называют в новейшей историографии. Он зародился в 30-е

Упомянутые выше исторические события подтверждают интеллектуальный разворот в южнославянском направлении. Петер Зрини в период подготовки антигабсбургского заговора параллельно работал над двумя политическими программами. Наряду с союзом с венграми он все больше склонялся в пользу югославянского решения — некоему варианту Иллирии. И это подтверждает, что движение иллиризма в XIX в. не просто так видело свои истоки в литературном творчестве Петера Зрини и его мученической смерти. В период Австро-Венгерской монархии и авторы более узких, собственно хорватских, проектов, и архитекторы более широких, югославянских, политических концепций были заинтересованы в ославянивании рода Зрини. Именно тогда герой Сигетварской битвы окончательно стал «Николой Шубич-Зринским», и повод к тому дал не только и не столько эпос Петера Зрини, сколько его младший современник, хорватский ученый и поэт Павао Витезович с его поэтическим эпосом «Гарнизон Сигетской крепости» (*Odihyenje Sigeta grada*, 1686 г.?) и историческими сочинениями³⁸. Не случайно, что в эпоху дуализма хорватская интеллигенция без труда расшифровала кодированное послание, помещенное Миклошем Зрини в конце «Сигетского бедствия». Поняли, но истолковали не так, как того хотел бы автор³⁹.

В период между двумя мировыми войнами с новой силой возродились споры о генеалогии Зрини. Италия хотела присоединить отошедшие к Югославии далматинские территории, что неизбежно вело к культурно-политической напряженности. Ответом на ревизионистские настроения стало обнаружение изначальной, антишубичской версии «Стематографии». В жилах предков Зрини, графов Брибирских, текла, говоря современным языком, смесь латинской и венгерской крови⁴⁰. Но споры не прекратились и привели к тому,

---

годы XVII в. на северных хорватских территориях, прежде всего в Загребской епархии. Его представителями были Иван Зайц и Ю. Рагткай, но он сошел со сцены под напором нового, эволюционировавшего в панславистском направлении иллиризма XVIII в. (Павел Риттер-Витезович (1652–1713)). См.: Molnár 2023.

³⁸ Prosperov Novak 1999: 404–408; Bene 2010: 384–396.

³⁹ В конце сочинения Владислава Вежича (1825–1894) «Сигетский герой Никола Зринский» (*Sigetski junak Nikola Zrinski*, 1866) султан Сулейман за спиной приготовившего его убить Миклоша Зрини видит фигуру Милоша Обилича. Источник вдохновения находился в современной автору литературе, предисловии Велимира Галя (1845–1902) к новому изданию 1861 г. эпоса Б. Карнарутича. См.: Antoljak 1986.

⁴⁰ Banfi 1934: 607–620; Banfi 1935: 128–140.

что существовавшая и ранее узкая «национальная» хорватская идея после 1990-х годов стала политической реальностью в этой стране. Хорватское происхождение Зрини из научно-исторического курьеза идеологически превратилось в важный элемент национальной идеологии⁴¹. Тем временем ученые, сохраняя беспристрастность, продолжают исследования, наука, основывающая выводы на анализе источников, движется вперед⁴², но мы редко осознаем, что в нашей профессиональной деятельности есть очень важный эмоциональный и моральный фактор, который влияет на нас с начального этапа исследования, при выборе темы, при постановке рабочих гипотез.

Например, я не знаю никого, кто бы в последнее время решил исследовать ту часть истории Зрини, которая включена в набор вариантов, и если и не является фактологически обоснованной, то не лишена интереса с точки зрения истории идей. Отец Форсталл так и не опубликовал «Семматографию», но — готовый к любому развитию событий — нарисовал себе в красивых стеммах генеалогическую версию, согласно которой его заказчики братья Миклош и Петер Зрини были родственниками по дочерней линии сербского князя Лазаря, геройски погибшего на Косовом поле, и чья дочь была женой выжившего в битве Вука Бранковича. Поскольку вторая из двух дочерей Лазаря еще ранее вышла замуж за сына султана Мурада, Баязида, Зрини, защищавшего островную крепость, и султана Сулеймана, осаждавшего крепость, можно считать дальними родственниками. Удивительная правда, и Миклош Зрини, написавший эпос о городе, должен был знать ее, поскольку он предоставил Форстоллу источники, подтверждающие ее⁴³. Однако по какой-то причине тот не использовал этот элемент ни в эпосе, ни в семейной генеалогии⁴⁴.

Урок из рассказанной выше истории (часто в форме аллюзий, с неизбежными упрощениями) сформулировать нетрудно: историческая наука — не юриспруденция, не может, как многим хотелось бы, раз и навсегда сформулировать вечную истину. Прошлое — это

⁴¹ Полный обзор рецепции см.: Blažević, Čoha 2008.

⁴² Помимо процитированных выше значительных работ, см. самое новое обобщающее исследование: Petrić 2022.

⁴³ Самый важный из них: *Orbini M. Il regno de gli slavi*. Pesaro: Concordia, 1601. P. 342.

⁴⁴ О контексте см.: Bene 2017: 761–763.

не статичный образ, который можно препарировать и изучать под микроскопом. Все ее составные части находятся в постоянном движении. Мы не выбираем между вариантами (в данном случае, дискурсами идентичности, предлагаемыми нам прошлым) на основе чисто научных критериев, так же, как реальные исторические персонажи адаптировали знания о прошлом (например, о прошлом своей семьи) к представлениям о будущем. Наше желание видеть в прошлом мир параллельных, множественных идентичностей является результатом иллюзий относительно будущего. История во многом движима такими иллюзиями; но если мы считаем их объективными сущностями, если мы отказываемся от их изучения, если нас не интересуют желания и моральный выбор, которые ими движут и которые иногда конфликтуют друг с другом, мы также отказываемся от идеальной «Иллирии» (вне зависимости, является Венгрия ее частью или нет), где различные идентичности не стремятся уничтожить друг друга. И если, вопреки всем ожиданиям, вероятностям и историческим законам, мы все-таки достигнем ее берегов, мы будем стоять там, недоумевая, и спрашивать вместе с шекспировской Виолой: «Но для чего в Иллирии мне жить?»⁴⁵.

Перевод с венгерского О. В. Хавановой

Список сокращений

HAZU — Hrvatska akademija znanosti i umjetnosti

Литература

- Лукьяненко 1911 — *Лукьяненко А. М.* Политическая и литературная деятельность братьев Зринских и Франца Франкопана // Из истории политической и экономической жизни хорватов XVII в. и из истории развития у хорватов литературы и выработки литературного языка. Киев: б.и., 1911. Т. 1. 853 с.
- Ређеп 2010 — *Ређеп Ј.* О Житију кнеза Лазара, познатом као Прича о боју косовском. Предговор // *Ређеп Ј.* Житије кнеза Лазара. Нови Сад: Прометеј, 2010. С. 5–39.
- Antoljak 1986 — *Antoljak S.* Velimir Gaj, izdavač i tumač Karnarutičeva Vazetja Sigeta grada // *Sigetska epopeja od Karnarutića do Vitezovića (1584–1684) / ur. N. Kolumbić, Zadar: Hrvatsko filološko društvo, 1986. S. 101–111.*

⁴⁵ У. Шекспир, «Двенадцатая ночь», акт I, сцена 2.

- Banfi 1934 — *Banfi F.* L'origine della famiglia Zrinyi // Archivio storico per la Dalmazia. 1934. Vol. 17. P. 607–620.
- Banfi 1935 — *Banfi F.* L'origine della famiglia Zrinyi // Archivio storico per la Dalmazia. 1935. Vol. 18. P. 128–140.
- Bene 2001 — *Bene S.* Ideološke koncepcije o staleškoj državi zagrebačkoga kanonika // *Rattkay J.* Spomen na kraljeve i banove Kraljevstva Dalmacije, Hrvatske i Slavonije / prir. M. Korade, M. Valentić. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 2001. S. 4–103 (Biblioteka Hrvatska povjesnica. Knj. 5).
- Bene 2009 — *Bene S.* Miklós Zrínyi in post-World War II scholarly literature in Hungary: The past and present of interdisciplinary research // *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa* / hrsg. von W. Kühlmann, G. Tüskés; Mitarb. S. Bene. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. S. 411–430 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext. Bd. 141).
- Bene 2010 — *Bene S.* Illyria, or what you will: Luigi Ferdinando Marsigli's and Pavao Ritter Vitezovic's "Mapping" of the borderlands recaptured from the Ottomans // *Whose love of which country: Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe* / ed. by B. Trencsényi, M. Zászkaliczky. Leiden; Boston: Brill, 2010. P. 351–404 (Studies in the history of political thought. Vol. 3).
- Bene 2012 — *Bene S.* Povijest jedne obiteljske povijesti: Rađanje i žanrovska pozadina genealogije Zrinskih // *Susreti dviju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti* / ur. S. Bene, G. Hauser, Z. Ladić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2012. S. 251–302 (Biblioteka zbornici. Knj. 4).
- Bene 2016 — *Bene S.* Miklós Zrínyi, the poet // *Zrínyi-album* / szerk. G. Hauser. Budapest: Hadtörténeti Múzeum; Zrínyi Katonai Kiadó, 2016. 174–249. old.
- Bene 2017 — *Bene S.* Szulejmán halála a Zrínyi-eposzokban: Történeti poétikai megközelítés // *Irodalomtörténeti Közlemények*. 2017. 121. sz. 746–779. old.
- Bene 2021 — *Bene S.* A harmadik szirén: Zrínyi Miklós költészete. Budapest: Osiris Kiadó; Gondolat Kiadó, 2021. 1068 old. (Osiris irodalomtörténet: Monográfiák).
- Bene 2022 — *Bene S.* Baroque tradition in early Romanticism: Grounding the modern literary canon in Hungary // *Hungarian Studies*. 2022. Vol. 36. № 1–2. 36–45. old.
- Bitskey 2009 — *Bitskey I.* Die Topoi des nationalen Selbstverständnisses bei Zrínyi // *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa* / hrsg. von W. Kühlmann, G. Tüskés; Mitarb. S. Bene. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. S. 159–173 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext. Bd. 141).
- Blažević 2008 — *Blažević Z.* Ilirizam prije ilirizma. Zagreb: Golden marketing — Tehnička knjiga, 2008. 400 s.

- Blažević, Coha 2008 – *Blažević Z., Coha S.* Zrinski i Frankopani: Strategije i modeli heroizacije u književnom diskursu // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest. 2008. Vol. 40. S. 91–117.
- Bobinac 2012 – *Bobinac M.* Theodor Körner im kroatischen Theater // Zagreber Germanistische Beiträge. 2012. Jg. 11. S. 59–96.
- Fórizs 2014 – *Fórizs G.* Egy Zrínyi-dráma sikere a 19. században // Irodalmi Magazin. 2014. 2. évf. 93–94. old.
- Hermann 2017 – *Hermann R.* Zrínyi Miklós emléke: A polgári átalakulás és az 1848–49-es forradalom és szabadságharc nemzedéke // Határok fölött: Tanulmányok a költő, katona, államférfi Zrínyi Miklósról / szerk. S. Bene, P. Fodor, G. Hausner, J. Padányi. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóintézet, 2017. 139–151. old.
- Johannesson 1991 – *Johannesson K.* The Renaissance of the Goths in sixteenth-century Sweden: Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians. Berkeley: University of California Press, 1991. 298 p. (Uppsala Studies in History of Science. Vol. 9).
- Kovács 2017 – *Kovács K.* Die Rezeption von Theodor Körner mit und ohne Zriny // Dialogische Erinnerung / hrsg. von A. Horváth, K. Kovács, E. Pabis. Debrecen: Debrecen University Press, 2017. S. 39–78 (Arbeiten zur deutschen Philologie. Bd. 30).
- Kukuljević Sakcinski 1869 – *Kukuljević Sakcinski I.* Književnici u Hrvatah s ove strane Velebita, živiši u prvoj polovini XVII. vieka. Zagreb: Štamparija Dragutina Albrechta, 1869. 414 s.
- Kurelac 1994 – *Kurelac M.* Ivan Lucius-Lučić, otac hrvatske historiografije. Clio Croatica. Zagreb: Školska knjiga, 1994. 179 s.
- Matić 1968 – *Matić T.* Karnarutićevo Vazetje Sigeta grada // Grada za povijest književnosti Hrvatske. 1968. Knj. 29. S. 5–39.
- Mijatović 1999 – *Mijatović A.* Zrinsko-frankopanska urota. Zagreb: Alfa, 1999. 246 s. (Biblioteka posebna izdanja).
- Mlinarić Faričić, Mirošević 2012 – *Mlinarić D., Faričić J., Mirošević L.* Historijsko-geografski kontekst nastanka Lučićeve karte Illyricum hodiernum / The historic-geographic context pertaining to the origin of Lučić's map Illyricum Hodiernum // Geoadrija. 2012. Vol. 17. № 2. P. 145–176.
- Molnár 2019 – *Molnár A.* Magyar hódoltság, horvát hódoltság: Magyar és horvát katolikus egyházi intézmények az oszmán uralom alatt. Budapest: Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 2019. 509 old. (Magyar történelmi emlékek: Értekezések).
- Molnár 2023 – *Molnár A.* Zsinatok háborújától a pannon illírizmushoz: A magyar-horvát viszony újrafogalmazása a zágربی zsinaton és Zaicz János pálos szerzetes emlékiratában, 1634–1635. Budapest: Reciti, 2023. 223 old. (Irodalomtörténeti füzetek, 188).

- Neville 2009 — *Neville K.* Gothicism and Early Modern Historical Ethnography // Journal of the History of Ideas. 2009. Vol. 70. P. 213–234.
- Pauler 1876 — *Pauler Gy.* Wesselényi Ferencz nádor és társainak összeesküvése. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1876. 1–2. köt. 862 old.
- Pálffy 2012 — *Pálffy G.* Prekograniczna povezanost Nikole IV. i Nikole VII. Zrinskog: Hrvatsko-mađarska plemićka obitelj u aristokraciji Ugarsko-hrvatskog Kraljevstva i u Habsburškoj Monarhiji // Susreti dviju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti / ur. S. Bene, G. Hausner, Z. Ladić. Zagreb: Matica Hrvatska, 2012. S. 117–163 (Biblioteka zbornici. Knj. 4).
- Pálffy 2022 — *Pálffy G.* Több ország szolgálatában: Zrínyi Miklós lojalitásai és identitásai // Zrínyi Miklós emlékkönyv / szerk. A. Bódvai. Budapest: Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt, 2022. 12–31. old.
- Petrić 2022 — *Petrić H.* Nemo me impune lacesset — Sors bona nihil aliud: O životu i radu Nikole VII. Zrinskog (1620–1664) // Rad HAZU — Razred za društvene znanosti. 2022. Sv. 55. S. 37–138.
- Popović 2007 — *Popović M.* Vidovdan i časni krst: Ogled iz književne arheologije. Beograd: Biblioteka XX vek, 2007. 269 s.
- Prosperov Novak 1999 — *Prosperov Novak S.* Od Gundulićeva “poroda od tmine” do Kačićeva “Razgovora ugodnog naroda slovinskoga” iz 1756. Zagreb: Antibarbarus, 1999. 943 s. (Povijest hrvatske književnosti. Sv. 3).
- Redep 1991 — *Redep J.* The legend of Kosovo // Oral Tradition. 1991. Vol. 6. P. 253–265.
- Šicel 1971 — *Šicel M.* Povijesni romani Eugena Kumičića // Croatica: Časopis za hrvatski jezik, književnost i kulturu. 1971. Sv. 2. S. 177–200.
- Šidak 1972 — *Šidak J.* Urota Zrinsko-frankopanska kao historiografski problem // Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu. 1972. Sv. 2. S. 5–21.
- Šišić 1926 — *Šišić F.* Zavjera Zrinsko-Frankopanska (1664–1671). Zagreb: s. ed., 1926. 137 s.
- Štefanec 2009 — *Štefanec N.* Zrinski family in the Croatian historiographic discourse: A case-study of the construction in national identity // Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa / hrsg. von W. Kühlmann, G. Tüskés; Mitarb. S. Bene. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2009. S. 391–410 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext. Bd. 141).
- Takáts 1929 — *Takáts S.* A Zrínyiek magyarsága // *Takáts S.* Magyar küzdelmek. Budapest: Genius, 1929. 39–54. old.
- Tusor 2021 — *Tusor P.* Forráskritikai megjegyzések a Wesselényi-összeesküvés történetéhez // Századok. 2021. 155. évf. 1233–1277. old.
- Vončina 1979 — *Vončina J.* Ozaljski jezično-književni krug // *Vončina J.* Jezično-povijesne rasprave. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, 1979. S. 197–212.

References

- Antoljak, S., 1986. Velimir Gaj, izdavač i tumač Karnarutićeva Vazetja Sigeta grada. In: Kolumbić, N., ed. *Sigetska epopeja od Karnarutića do Vitezovića (1584–1684)*. Zadar: Hrvatsko filološko društvo, pp. 101–111.
- Banfi, F., 1934. L'origine della famiglia Zrinyi. *Archivio storico per la Dalmazia*, 17, pp. 607–620.
- Banfi, F., 1935. L'origine della famiglia Zrinyi. *Archivio storico per la Dalmazia*, 18, pp. 128–140.
- Bene, S., 2001. Ideološke koncepcije o staleskoj državi zagrebačkoga kanonika. In: Rattkay J.; Korade, M., Valentić, M., eds. *Spomen na kraljeve i banove Krajevstava Dalmacije, Hrvatske i Slavonije*. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, pp. 4–103 (Biblioteka Hrvatska povjesnica, 5).
- Bene, S., 2009. Miklós Zrínyi in post-World War II scholarly literature in Hungary: The past and present of interdisciplinary research. In: Kühlmann, W., Tüskés, G., Bene, S., eds. *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, pp. 411–430 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext, 141).
- Bene, S., 2010. Illyria, or what you will: Luigi Ferdinando Marsigli's and Pavao Ritter Vitezović's "Mapping" of the borderlands recaptured from the Ottomans. In: Trencsényi, B., Zászkaliczky, M., eds. *Whose love of which country: Composite states, national histories and patriotic discourses in early modern East Central Europe*. Leiden; Boston: Brill, pp. 351–404 (Studies in the history of political thought, 3).
- Bene, S., 2012. Povijest jedne obiteljske povijesti: Rađanje i žanrovska pozadina genealogije Zrinskih. In: Bene, S., Hauser, G., Ladić, Z. *Susreti dvoju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 251–302 (Biblioteka zbornici, 4).
- Bene, S., 2016. Miklós Zrínyi, the poet. In: Hauser, G., ed. *Zrínyi-album*. Budapest: Hadtörténeti Múzeum; Zrínyi Katonai Kiadó, pp. 174–249.
- Bene, S., 2017. Szulejmán halála a Zrínyi-eposzokban: Történeti poétikai megközelítés. *Irodalomtörténeti Közlemények*, 121, pp. 746–779.
- Bene, S., 2021. *A harmadik szirén: Zrínyi Miklós költészete*. Budapest: Osiris Kiadó; Gondolat Kiadó, 1068 p. (Osiris irodalomtörténet: Monográfiák).
- Bene, S., 2022. Baroque tradition in early Romanticism: Grounding the modern literary canon in Hungary. *Hungarian Studies*, 33, 1–2, pp. 36–45.
- Bitskey, L., 2009. Die Topoi des nationalen Selbstverständnisses bei Zrínyi. In: Kühlmann, W., Tüskés, G., Bene, S. *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, pp. 159–173 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext, 141).

- Blažević, Z., 2008. *Ilirizam prije ilirizma*. Zagreb: Golden marketing – Tehnička knjiga, 400 p.
- Blažević, Z., Coha, S., 2008. Zrinski i Frankopani: Strategije i modeli heroizacije u književnom diskursu. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest*, 40, pp. 91–117.
- Bobinac, M., 2012. Theodor Körner im kroatischen Theater. *Zagreber Germanistische Beiträge*, 11, pp. 59–96.
- Fórizs, G., 2014. Egy Zrínyi-dráma sikere a 19. században. *Irodalmi Magazin*, 2, pp. 93–94.
- Hermann, R., 2017. Zrínyi Miklós emléke: A polgári átalakulás és az 1848–49-es forradalom és szabadságharc nemzedéke. In: Bene, S., Fodor, P., Hausner, G., Padányi, J., eds. *Határok fölött: Tanulmányok a költő, katona, államférfi Zrínyi Miklósról*. Budapest: MTA Bölcsészettudományi Kutatóintézet, pp. 139–151.
- Johannesson, K., 1991 *The Renaissance of the Goths in sixteenth-century Sweden: Johannes and Olaus Magnus as politicians and historians*. Berkeley: University of California Press, 298 p. (Uppsala Studies in History of Science, 9).
- Kovács, K., 2017. Die Rezeption von Theodor Körner mit und ohne Zriny. In: Horváth, A., Kovács, K., Pabis, E., eds. *Dialogische Erinnerung*. Debrecen: Debrecen University Press, pp. 39–78 (Arbeiten zur deutschen Philologie, 30).
- Kukuljević Sakcinski, I., 1869. *Književnici u Hrvatah s ove strane Velebita, živiši u prvoj polovini XVII. vjeka*. Zagreb: Štamparija Dragutina Albrechta, 414 p.
- Kurelac, M., 1994 *Ivan Lucius-Lučić, otac hrvatske historiografije*. *Clio Croatica*. Zagreb: Školska knjiga, 179 p.
- Luk'ianenko, A. M., 1911. *Politicheskaia i literaturnaia deiatel'nost' brat'ev Zrinskikh i Frantsa Frankopana / Iz istorii politicheskoi i ekonomicheskoi zhizni khorvatov XVII v. i iz istorii razvitiia u khorvatov literatury i vyrabotki literaturnogo iazyka*, 1. Kiev: s. n., 1911. 853 p. (In Rus.)
- Matić, T., 1968. Karnarutićevo Vazetje Sigeta grada. *Grada za povijest književnosti Hrvatske*, 29, pp. 5–39.
- Mijatović, A., 1999. *Zrinski-frankopanska urota*. Zagreb: Alfa, 1999. 246 p. (Biblioteka posebna izdanja).
- Mlinarić, D., Faričić, J., Mirošević, L., 2012. Historijsko-geografski kontekst nastanka Lučićeve karte Illyricum hodiernum / The historic-geographic context pertaining to the origin of Lučić's map Illyricum Hodiernum. *Geoadrija*, 17, 2, pp. 145–176.
- Molnár, A., 2019. *Magyar hódoltság, horvát hódoltság: Magyar és horvát katolikus egyházi intézmények az oszmán uralom alatt*. Budapest: Bölcsészettudományi Kutatóközpont Történettudományi Intézet, 509 p. (Magyar történelmi emlékek: Értekezések).
- Molnár, A., [2023]. *Zsinatok háborújától a pannon illírizmussig: A magyar–horvát viszony újrafogalmazása a zágrábi zsinaton és Zaicz János pálos szerzetes emlékiratában, 1634–1635*. Budapest: Reciti, 223 p. (Irodalomtörténeti füzetek, 188).

- Neville, K., 2009. Gothicism and Early Modern Historical Ethnography. *Journal of the History of Ideas*, 70, pp. 213–234.
- Pauler, Gy., 1876. *Wesselényi Ferencz nádor és társainak összeesküvése*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1–2, 862 p.
- Pálffy, G., 2012. Prekogranična povezanost Nikole IV. i Nikole VII. Zrinskog: Hrvatsko-mađarska plemićka obitelj u aristokraciji Ugarsko-hrvatskog Kraljevstva i u Habsburškoj Monarhiji. In: Bene, S., Hausner, G., Ladić, Z., eds. *Susreti dviju kultura: Obitelj Zrinski u hrvatskoj i mađarskoj povijesti*. Zagreb: Matica Hrvatska, pp. 117–163 (Biblioteka zbornici, 4).
- Pálffy, G., 2022. Több ország szolgálatában: Zrínyi Miklós lojalitásai és identitásai. In: Bódvai, A., ed. *Zrínyi Miklós emlékkönyv*. Budapest: Bethlen Gábor Alapkezelő Zrt, pp. 12–31.
- Petrić, H., 2022. Nemo me impune lacesset — Sors bona nihil aliud: O životu i radu Nikole VII. Zrinskog (1620–1664). *Rad HAZU — Razred za društvene znanosti*, 55, pp. 37–138.
- Popović, M., 2007. *Vidovdan i časni krst: Ogled iz književne arheologije*. Beograd: Biblioteka XX vek, 269 p.
- Prosperov Novak, S., 1999. *Od Gundulićeva “poroda od tmine” do Kačićeva “Razgovora ugodnog naroda slovinskoga” iz 1756*. Zagreb: Antibarbarus, 943 p. (Povijest hrvatske književnosti, 3).
- Ređep, J., 1991. The legend of Kosovo. *Oral Tradition*, 6, pp. 253–265.
- Ređep, J., 2010. Žitiju kneza Lazara, poznatom kao Priča o boju kosovskom. Predgovor. In: Ređep, J., *Žitije kneza Lazara*. Novi Sad: Prometej, pp. 5–39. (In Serb.)
- Šicel, M., 1971. Povijesni romani Eugena Kumičića. *Croatica: Časopis za hrvatski jezik, književnost i kulturu*, 2, pp. 177–200.
- Šidak, J., 1972. Urota Zrinsko-frankopanska kao historiografski problem. *Radovi Zavoda za hrvatsku povijest Filozofskoga fakulteta Sveučilišta u Zagrebu*, 2, pp. 5–21.
- Šišić, F., 1926. *Zavjera Zrinsko-Frankopanska (1664–1671)*. Zagreb: s. ed., 137 p.
- Štefanec, N., 2009. Zrinski family in the Croatian historiographic discourse: A case-study of the construction in national identity. In: Kühlmann, W., Tüskés, G., Bene, S., eds. *Militia et litterae: Die beiden Nikolaus Zrínyi und Europa*. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, pp. 391–410 (Frühe Neuzeit: Studien und Dokumente zur deutschen Literatur und Kultur im europäischen Kontext, 141).
- Takáts, S., 1929. A Zrínyiek magyarsága. In: Takáts, S. *Magyar küzdelmek*. Budapest: Genius, pp. 39–54.
- Tusor, P., 2021. Forráskritikai megjegyzések a Wesselényi-összeesküvés történetéhez. *Századok*, 155, pp. 1233–1277.
- Vončina, J., 1979. Ozaljski jezično-književni krug. In: Vončina, J. *Jezičnopovijesne rasprave*. Zagreb: Sveučilišna naklada Liber, pp. 197–212.

Sándor Bene

PhD., Associate Professor, Department of Early and Classical Hungarian Literature – Institute of Hungarian Linguistic, Literary and Cultural Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, Károli Gáspár University of the Reformed Church in Hungary, Budapest, Hungary. Dózsa György utca, 25–27, 1146. E-mail: bene.sandor@kre.hu / Associate Professor, Department of Hungarian Studies, Faculty of Humanities and Social Sciences, University of Zagreb, Zagreb, Croatia. Ul. Ivana Lučića 3, 10000. E-mail: sbene@ffzg.hr

Family Resemblance: The Zrínyi Brothers Identities

Brothers Miklós Zrínyi (1620–1664) and Péter Zrínyi (1621–1671) were two significant politicians and poets of the early modern Kingdom of Hungary. They not only succeeded each other as Bans of Croatia (one of the highest positions in the Kingdom), but represent a peculiar chapter in the history of European Baroque literature. Both authors wrote a heroic epic about the history of the siege of Szigetvár in 1566, and the tragic death of their great-grandfather, Miklós Zrínyi. In the nineteenth century, they turned into important figures of the identity discourses in both Croatia and Hungary. This article focuses on two areas where different visions manifested and where the changes in the visions can be documented: the different versions of the genealogy of the family and the linguistic and ideological differences between the two epic poems. Their originally common agendas diverged over time. Péter abandoned his first attempt at translating the epic (which would have closely followed the Hungarian version in many respects), and instead his finished version reflects his new linguistic-poetic agenda, which aimed at the unification and standardization of Croatian dialects. After the death of Miklós, he replaced the legends of Northern descent (propagated by his brother), with those of Illyria. Both revisions served the same aim. Instead of reforming the Hungarian political system, they aimed at establishing an imagined Illyrian community, which shows how these seventeenth-century baroque literary genealogies and epic poems can be seen as precursors to nineteenth century national ideologies.

Keywords: Zrínyi family, early modern Kingdom of Hungary, baroque literary genealogies, early modern national identities

Financing: The study was carried out as part of the project “The Stoic Tradition in Hungarian Literature” of the Faculty of the Humanities and Social Sciences of the Gáspár Károly Reformed Church University of Hungary (No 20700B800).

How to cite: Bene, S., 2023. Semeinoe skhodstvo: identichnosti brat'ev Zri-ni. *Central-European Studies*, 6. pp. 15–36. <https://doi.org/10.31168/2619-0877.2023.6.1>.